

Владимир Карпов

Судьба разведчика (фрагмент)

*Евгении Васильевне, жене и доброму другу в нашей
трудной и счастливой жизни, посвящаю.*

Владимир

От счастья до расстрела — один шаг

Трудно поверить, что все это могло выпасть на долю одного человека. Вот несколько эпизодов из его жизни.

...Идут соревнования по боксу. Ринг установлен на арене цирка. Судья поднимает руку очередного победителя. Зрители аплодируют, кричат, кто-то свистит от восторга. Этот боец — совсем юный паренек — особенно понравился своей отличной техникой. Он нокаутировал противника во втором раунде. Стройный, ладный, блестящий от пота, как бронзовая статуя, боксер улыбается. Рад победе. Это Василий Ромашкин.

А теперь другая ситуация. В тюремной бане, под холодными струями лежит человек. Он без сознания. Из носа, с губ стекает сукровица. Его били трое следователей. Били ногами. Буквально месили сапогами. А потом охранники приволокли сюда, в тюремную баню. И бросили под холодный душ. На подоконнике за разбитым стеклом с решеткой грязный снег. А лежит под ледяными струями Василий Ромашкин. Тот самый красивый спортсмен с ринга...

...В одном из лагерных барачков в Сибири идет страшная драка воров и бандитов. Сверкающий нож взметнулся над грудью вора в законе Серого. Возможно, этот удар стал бы смертельным, но с верхних нар кинулся, как голкипер, на руку с ножом зек и ловко отвел удар. Это тоже был Василий Ромашкин.

На Калининском фронте стоят под направленными на них винтовками шесть штрафников — их расстреляют. Один из приговоренных — Ромашкин.

Английская контрразведка не может выявить советского разведчика, который регулярно появлялся в их стране. Много лет продолжалась эта охота, но Василия Ромашкина так и не поймали.

Существует два противоположных мнения о судьбе. Первое — все предопределяет провидение, а второе, наоборот, — сочетать судьбу и свободу человека невозможно.

Наверное, судьба — это не то, что впереди, не то, что предстоит, а что уже пройдено, то, что позади, уже сложилось, на что, оглядываясь, одни не видят ничего — зачем жил? А у других волосы встают дыбом — неужели все это было?!

У Ромашкина судьба лихая!

Слово «лихая» подразумевает несколько значений — лихая, в смысле трудная, со многими тяжкими испытаниями, лихолетье наваливается иногда на целые народы или государства. Содержит в себе это слово ещё и бесшабашную смелость, отчаянные выходки, когда человек совершает нечто непосильное другим, показывая при этом свою изобретательность в увертывании от смерти. Владимир Даль в своем бесценном словаре приводит к этому слову целое ожерелье ярких синонимов: лихой — молодецкий, хваткий, бойкий, проворный, щегольской, удалой, ухарский, смелый и решительный.

Вот всего этого не было у Василия Ромашкина в юношеские годы, когда он вступал в жизнь. Но не только это, а ещё многое сверх того приобрел он, пройдя свой сложный жизненный путь.

Рос Василий в обычной городской семье. Жил в Оренбурге, в доме, построенном после русско-японской войны дедом Михаилом Гавриловичем — яицким казаком. Дед был коренастый, с русой непокорной шевелюрой, характера твердого, на войне показал себя храбрым — два Георгиевских креста и медаль заслужил, а также звание есаула. Михаил Гаврилович успел понянчить внука Васю, покормил его пельменями (несмотря на верещание баб: «Нешто можно младенцу такую тяжелую еду!») Дед ухмылялся, отмахивался от женщин: «...Я же ему не целые, нажеванные даю. Парнишке силы набирать надо. Какая сила с ваших сосок. Он русский человек, ему пельмени полагаются».

Недолго радовался внуку Михаил Гаврилович, дождался, правда, чтоб Васенька на своих ногах пошел, погулял с ним по саду, держа за маленькую розовую ручонку, но когда Васе было четыре годика, скончался дед от какой-то тяжелой, неизлечимой в те годы болезни.

Отец Васи — Владимир Михайлович — тоже помахал саблей в первую мировую и в гражданскую войны. Но был он казак, как говорится, городского разлива, в станице не жил, рос и учился в Оренбурге. Как и отец, был он стройный, с буйными русыми кудрями да серыми, с весёлой лукавинкой глазами.

О женитьбе он не думал — война, не до того.

Может быть, Василий вообще бы на свет не появился, если бы не приехала беженка из Петербурга. Звали её Лиза, росла она в интеллигентной семье, окончила гимназию, владела французским и румынским языками.

Родители ее, отец — нотариус, мать — воспитанница женского пансиона, стремились дать хорошее образование своим детям — Лизе и Сергею. ещё в годы учебы в гимназии, летом их возили во Францию и Румынию для изучения языков и, как говорила мама, «для развития общего кругозора».

В годы военных и революционных передраг мать умерла от тифа, а отец — от тоски по ней. Брат Сережа пропал без вести на фронте, будучи уже штабс-капитаном.

Лиза, спасаясь от голода, уехала из Питера в Оренбург с соседкой, вдовой-генеральшей Матильдой Николаевной. Они сняли по комнате в доме Ромашкиных.

Владимир Михайлович в год их приезда воевал против атамана Дутова на стороне красных. Приезжая навестить родителей, он громыхал сапогами и саблей на лестнице, поднимаясь на второй этаж. Лихой кавалерист с кудрявым чубом и серыми шалыми глазами с первой встречи сразил наповал столичную барышню. Он уезжал воевать, а она молилась, просила Бога, чтобы он сохранил этого человека, потому что сознавала, что встретила его на всю жизнь.

Лихой вояка тоже заметил петербургскую красавицу, после этой встречи его внимание к родителям утроилось, он навещал их очень часто, а в результате Лиза родила сына Васю, о котором пойдет рассказ в этой книге. Произошло это в лето 1920 года. Грех был велик: не венчанные, не расписанные — и сразу дитя! Красноармейцу в те годы венчание было противопоказано. Регистрация в загсе? Где он, тот загс?

В часы недолгих свиданий не до загса было — не могли наглядеться друг на друга, нарадоваться, что судьба их свела. Между собой так объяснились. Он ей сказал: «Спасибо тебе, жена, за то, что сына подарила». Она ответила ему: «А ты мне подарил счастье».

Вот такие истоки или корни были причиной появления на свет Василия Ромашкина. И хоть был он незаконнорожденный, плод любви, дед Михаил Гаврилович и бабушка Анисья Борисовна крестили внука по христианскому обычаю и приняли его в семью Ромашкиных с великой радостью.

Из личных достоинств Василия, сыгравших определенную роль в его жизни, отметим два.

В школьные годы появилась у Василия склонность к писанию стихов. В шестом классе у него уже была толстая столитовая тетрадь с переписанными набело, так сказать, избранными стихотворениями. Эту тетрадь однажды случайно взяла и раскрыла учительница литературы Таисия Петровна. Прочитав несколько стихов, она попросила у Ромашкина разрешения взять его тетрадь домой, чтобы ознакомиться подробнее. Василий, краснея, с замиранием сердца согласился. На следующий день Таисия Петровна после занятий, отпустив всех, попросила Ромашкина остаться в классе.

Когда ребята вышли, учительница посадила Василия на стул около своего стола, внимательно посмотрела ему в глаза и значительно произнесла:

— Вася, ты должен понять, это очень серьёзно, у тебя талант.

С поэтическими делами Ромашкина мы соприкоснемся ещё не раз, поэтому перейдем ко второму важному обстоятельству в его жизни.

Ромашкин, как и многие его сверстники, увлекался книгами Майна Рида, Виктора Гюго, О'Генри. Но самым близким стал для него Джек Лондон, и особенно его рассказы о боксерах. «Мексиканец» просто завораживал Василия, в нем все трепетало, когда он перечитывал строки о схватке мексиканского паренька Риверы с искусным бойцом, прославленным Денни. Василий часто в более поздние годы, в безвыходных ситуациях вспоминал

«мексиканца» , и это помогало ему вывернуться из костлявых лап смерти.

А тогда, в Оренбурге, он не раз перечитывал рассказ Джека Лондона с неослабевающим волнением. И вот однажды Василию очень повезло. Счастливый случай как раз и стал причиной, породившей второе достоинство, очень пригодившееся Василию в его дальнейшей жизни.

А произошло вот что. В 1935 году в стране прошла волна открытия дворцов пионеров. Создали такой «дворец» и в Оренбурге. Василий шел как-то по центральной Советской улице и увидел об этом объявление. Пионерам предлагалось выбрать любой кружок: авиамodelьный, литературный, рисования и лепки. И вдруг Василий, не веря глазам, прочитал:

«Бокс — желающие заниматься, обращайтесь к товарищу Сиднею Дику». Василий не пошел, а побежал искать этого Дика. Он представлялся здоровяком с перебитым носом и бугристыми мышцами. И каково же было разочарование, когда Сидней оказался маленьким седым старичком, но, правда, с перебитым носом. И ещё был он настоящий американец. Во время каких-то соревнований, ещё до революции приехал с командой в Россию, но в первом же бою в Москве сломал палец и не мог выходить на ринг. «Мухач» большой привлекательности для публики не представляет, без него можно обойтись, и антрепренер, чтобы не тратиться на гостиницу и обратный билет, просто выгнал Сиднея, сказав: «Заработай на возвращение сам. Ты и так мне дорого стоил. Я привез тебя работать, а ты стал балластом».

Сидней устроился тренером на работу в «Российскую лигу бокса», его знания там оценили не только профессионально, но и материально. Хорошо зарабатывая, Сидней подумал: «Зачем уезжать — дома мне так платить не будут. Поработаю и вернусь с хорошими деньгами». И заработал бы, но вспыхнула революция. Русским стало не до бокса, драки не на рингах, а по всей стране запыхали. Сидней не остался в стороне. Классовый инстинкт забурлил и в нем. Сидней в Америке работал на заводе, поэтому записался в интернациональную роту, дошел с боями до Оренбурга, а когда кончилась гражданская война, осел здесь до лучших времен для возвращения на родину. А потом прижился, завел семью —

жену и детей. Работал тренером в «Динамо», а затем вот ещё и во Дворце пионеров.

Здесь дети ему и он им пришлось очень по душе. Возился он с ребятами с утра до ночи, был им и другом, и добрым наставником. Вырастил Сидней до войны немало хороших боксеров, даже чемпионов разных соревнований. В том числе и Василия, который выиграл первенство области.

Ни знаменитым поэтом, ни большим чемпионом Ромашкин не стал — помешала не только война, но и события, выпавшие на его долю ещё до нападения Германии.

А произошло вот что. В те годы Оренбург назывался Чкалов, в честь легендарного летчика. Было в городе летное военное училище. Профессия военного в те годы была самая престижная. Летчики-командиры в их синей форме, при белых сорочках с галстуком, с золотыми крылышками на рукаве покоряли не только девушек, но и юношей. Не был исключением и Василий. Написал первый в своей жизни рапорт с просьбой допустить к экзаменам и принять в училище. Допустили. А экзамены конкурсные: восемь желающих на каждое место. Василии преодолел это препятствие легко — в школе хорошо учился, да и готовился специально к сдаче каждого предмета. Сдал он все, что полагалось, на «отлично», но вдруг врачи обнаружили, что правый глаз видит на одну сотую слабее левого. Это для летчика недопустимо. Зачем брать такого, когда есть восемь человек на место — с полноценным зрением.

Но сжалились члены комиссии над парнем, который так успешно сдал трудные экзамены, к тому же спортсмен, командир из него получится хороший, предложили Ромашкину поступать в пехотное училище, куда он со своим зрением проходит.

Василий посоветовался с отцом, тот, как всегда, немногословно ответил: «Смотри, тебе служить». Мать запорхала вокруг него, понимая огорчение сына, утешала: «И пехотный офицер — тоже хорошо. Вон мой брат Сережа был пехотный, а какой красавец! Усы отпустишь, будешь бравый капитан».

Стать военным очень хотелось, поэтому Василий согласился с предложением комиссии. Ближайшее к Оренбургу пехотное училище находилось в Ташкенте, в него и направили Ромашкина.

Два года учебы промелькнули быстро. Василий окреп, загорел под азиатским солнышком. Продолжая тренировки в боксе, достиг высоких результатов: стал чемпионом Средне-Азиатского военного округа в среднем весе. И с поэзией дело продвигалось: стихи Василия печатали в окружной газете, редактор ее, опытный журналист, полковой комиссар Фёдоров советовал не оставлять стихи, даже когда станет командиром.

В училище Ромашкин был местной знаменитостью: у всех на виду как чемпион и как поэт. Начальник училища генерал Иванов (два ордена Красного Знамени за бои в гражданской войне) отмечал Василия благодарностями, грамотами, ценными подарками, не раз приглашал к себе в кабинет, расспрашивал о планах, давал добрые советы в будущей службе, даже намекал на то, что может оставить его после окончания командиром курсантского взвода.

Выпуск намечали приурочить ко Дню Красной Армии — 23 февраля 1940 года. Выпускникам заранее шили комсоставскую форму: гимнастерки и шинели. Василий на примерке смотрел на себя в зеркало и сердце его замирало от предвкушения радости мамы и папы, когда они его увидят в этом блеске. Мелькали самонадеянные мысли и о том, что девушки тоже (особенно Зина!) будут на него поглядывать благосклонно. Да как же им не залюбоваться: здоровый, плечистый, загорелый, два рубиновых «кубаря» на малиновых петлицах с золотой окантовкой, на рукавах малиновые шевроны, опять же с золотыми галунами, ремень комсоставский с латунной пряжкой, на которой сияет, как солнышко, звезда. При малейшем движении ремень поскрипывал с обворожительной солидностью, ну и сапоги хромовые, комсоставские тоже скрипели добротной кожей, правда, сапоги ещё были складской бледности, но Василий знал, как только он их получит — начистит до зеркального сияния.

Казалось, все складывалось прекрасно, и командирская жизнь с её трудной, но увлекательной армейской романтикой, для Ромашкина уже начинается.

Но та самая судьба, о которой мы упоминали, распорядилась иначе.

В полночь, когда рота спала здоровым богатырским сном после напряженных дневных занятий, в спальную вошли трое. Они

подошли к тумбочке Ромашкина, вынули из нее тетради и письма, раскрыли вещевой мешок и из него извлекли тетрадь со стихами, которую там хранил Василий. Затем капитан со шпалой на петлице тронул спящего за плечо и негромко, чтобы не будить соседей, сказал:

— Ромашкин, вставайте.

Василий, ничего не понимая, посмотрел на стоявших перед ним командиров.

— Одевайтесь, Ромашкин, пойдете с нами. В канцелярии роты все тот же капитан спросил строгим и официальным голосом:

— Ваша фамилия, имя, отчество?

Василий удивился: несколько минут назад капитан называл его по фамилии... Но ответил:

— Василий Владимирович Ромашкин. А в чем дело?

Капитан ещё более холодно произнес:

— Василий Ромашкин, вы арестованы. Вот ордер на арест. — Капитан показал небольшой бумажный квадратик. — Понятых прошу ознакомиться.

Василий посмотрел на тех, кого капитан назвал понятыми, — это были физрук училища, старший лейтенант Речипкий, и майор из учебного отдела, фамилию его Ромашкин не знал.

— Понятых прошу засвидетельствовать: все бумаги, изъятые при вас, принадлежат арестованному Ромашкину. Распишитесь вот здесь.

Василий даже не волновался, в оцепенении он ждал, что сейчас вся эта фантасмагория кончится, и он проснется.

Но дурной сон продолжался.

Не в «черном вороне», а в обычной легковой «эмке» Ромашкина привезли во двор дома в центре Ташкента. Не раз проходил Василий мимо этого дома и не подозревал, что в подвале его — тюрьма. Здесь его раздели догола, осмотрели, чтобы не пронес... А что пронесешь, например, в заднем проходе? Но заглянули и туда. Сфотографировали в фас и профиль, с номером на дощечке, которую велели держать на уровне груди. Сняли отпечатки не только пальцев, но и целой ладони. Затем вывели из подвала и направились к какому-то возвышению вроде большой собачьей будки в глубине двора. "Неужели будут держать меня в

этом курятнике? — подумал Василий и тут же смекнул, что это хорошо — в тюрьме не оставили, значит, в этой будке подержат до выяснения, что все это недоразумение, ошибка, и отпустят.

Но предположение Василия тут же разлетелось вдребезги — будка оказалась входом, тамбуром в подземную так называемую внутреннюю тюрьму. Спустившись в сопровождении молчаливых конвоиров под землю, Василий увидел здесь целое переплетение расходящихся в разных направлениях коридоров. Электрический свет освещал в каждом из них ряды железных дверей.

В подземелье была гробовая тишина. Василия поразило: внутренние охранники ходили в валенках (летом!).

Лязгнула задвижка, щелкнул замок, тяжело отворилась толстая дверь, обитая железом. Василий шагнул через порог, и дверь тут же захлопнулась. И опять лязгнула задвижка и клацнул замок. Тут же откинулось окошечко на середине двери, и дежурный сказал:

— Откинь койку. Ложись до утра. Днем спать не положено.

Камера была маленькая, над дверью, за металлической решеткой горела яркая лампочка. Она освещала побеленный квадрат, что-то вроде внутренней контейнера — четыре шага в длину, два — в ширину, к стене прикреплена откидная полка, как в железнодорожном вагоне, у двери маленькая параша, накрытая ржавой крышкой. Больше ничего в камере не было. Поскольку все это находилось глубоко под землей, в левом верхнем углу было отверстие с кулак шириной. «Чтобы не задохнулся», — догадался Ромашкин.

Он отстегнул полку, которая ударилась о бетонный пол двумя откинувшимися подпорками. На койке был матрац без простыней, подушка в серой застиранной наволочке и армейское одеяло, такое же, каким накрывался в училище, только старое, потрепанное.

Не раздеваясь, Василий лег. Собрался спокойно все обдумать, прикинуть, что же произошло, за что его арестовали. Но сколько он ни перебирал в памяти свою жизнь за последние годы, ничего преступного, наказуемого вспомнить не мог.

Мешала думать яркая электрическая лампочка над дверью — она светила прямо в лицо. Ромашкин повернулся к стене и натянул

одеяло наголову. Тут же клацнуло окошечко в двери, и надзиратель строго сказал:

— Ложись на спину, лицо закрывать не положено.

«Неужели он постоянно наблюдает за мной? — подумал Василий. — Не может быть, сколько же их надо, чтобы следить за каждой камерой? Ага, вот почему они в валенках! Подходят неслышно к волчку и периодически заглядывают».

Заснуть Василий так и не смог. О том, что настало утро, он понял по команде:

— Закрывать койку, приготовиться на opravку.

Его сводили в тюремную вонючую уборную, там же было несколько ржавых, оббитых, когда-то эмалированных раковин, над ними такие же старые ржавые краны. Запах застоявшейся мочи тянулся до середины длинного коридора. И даже в камере Василий чувствовал, что этой вонью пропиталась его одежда.

Ромашкин ждал допроса, чтобы наконец выяснить, за что его упекли в это подземелье. Но прошел день, а его не вызывали. Прошел и второй, и третий день, а допроса все не было. «Куда они подевались? — удивлялся Василий. — Неужели можно держать так долго невинного человека?»

У него затекли не только ноги, но и все тело от повседневного стояния или топтанья от стены к стене — четыре шага туда и четыре обратно. Днем лежать не разрешали.

На пятый день Василий постучал в дверь и, когда охранник открыл окошечко, сказал:

— Когда же меня вызовут на допрос? Забыли, что ли?

— Это не наше дело. Вызовут, когда надо будет.

— Так вы скажите им. Надо же разобраться. Мне госэкзамены надо сдавать.

Охранник ухмыльнулся:

— Экзамены для тебя уже начались. Будешь усе и усех сдавать, как положено.

Василий возмущался: «Заколдованный круг какой-то. Даже эта рожа что-то знает. А я не могу понять, что происходит».

Его вызвали через неделю. Провели по коридорам подземелья, затем через двор, в то красивое здание, которое выходило фасадом на улицу.

Комната следователя чуть больше камеры, ничего лишнего: письменный стол с настольной лампой, стул для следователя и второй, у двери, для допрашиваемого.

Следователь лет на пять старше Ромашкина, чисто выбритый, холеный красивый шатен, волосы лежат своими, не парикмахерскими волнами. Одет в форму политработника: петлицы без золотой окантовки, на рукавах звезды вместо шевронов. На петлицах три кубаря: значит, его звание политрук.

Следователь весело посмотрел на Василия и очень приветливо, будто продолжая прерванный разговор, сказал:

— Моя фамилия Иосифов, я буду вести ваше дело. — И сразу после этого перешел на ты. — Так за что же тебя, Вася, посадили?

Василий ожидал всего, чего угодно, только не такого вопроса. Он с искренним удивлением пожал плечами и ответил:

— Не знаю. Я в полной растерянности. Ничего не могу припомнить предосудительного.

— Значит, плохо вспоминал. Или скрываешь. Ну, что же, дам тебе ещё недельку, иди, подумай, может быть, вспомнишь.

Василий с ужасом представил: ещё неделю в этом вонючем, душном подземелье, он даже встал со стула от волнения.

— Товарищ политрук, вы что, какая неделя, госэкзамены же скоро в училище.

— Садись! Во-первых, я тебе не товарищ, а гражданин следователь, во-вторых, об училище забудь. Это для тебя этап пройденный. Хотя нет, я не прав, об училище ты должен все хорошенько вспомнить и откровенно рассказать мне о своей преступной антисоветской деятельности.

Василий даже улыбнулся: наконец-то проясняется!

— О какой антисоветской деятельности вы говорите, товарищ... гражданин следователь, я что, враг, что ли? Вы меня с кем-то перепутали. Давайте побыстрее разберемся, и отпускайте меня. Надо же такое придумать — антисоветский деятель! Нашли врага. Я же комсомолец. Меня не только наша рота, все училище знает. Генерал несколько раз награждал. Нет, вы что-то путаете!

Следователь добро посмотрел на Ромашкина и доверительно молвил:

— Я и так тебе кое-что лишнее сказал. Не я тебе, а ты мне должен говорить о своих преступных делах. Открытое признание облегчит твою участь. Иди, подумай и вспомни все хорошенько. А главное, не запирайся. Ты должен понять — если ты здесь, значит, нам все известно.

Следователь вызвал конвоира и коротко приказал:

— Уведите.

Ромашкин от порога обернулся и с надеждой попросил:

— Если вам все известно, так давайте об этом говорить. Что известно? Я не чувствую за собой никакой вины.

— А ты, оказывается, хитрее, чем я думал. Значит, будем говорить о том, что нам известно? А о том, что нам пока не известно, ты будешь помалкивать?

— Да скажите, наконец, в чем моя вина! — не выдержал и почти крикнул Ромашкин.

Следователь по-прежнему добро улыбался и ответил с укоризной:

— Не шуми, у нас шуметь не принято. Иди и думай. Время на размышление я тебе дам.

И дал. На следующий допрос Ромашкина привели через десять дней. Чего только не передумал Василий за эти казавшиеся годами долгие дни в подземной гробовой тишине. Как ни странно, от тишины у него стала появляться ломота в ушах. Выхода из камеры на opravку, раздачи баланды и хлеба он теперь ждал как приятного отдохновения. Появлялись охранники, начиналось какое-то движение.

Ромашкин ещё раз перебрал всю жизнь в училище и не мог найти никакого криминала в своем поведении. Мысленно перечитал свои стихи, напечатанные в окружной газете «Фрунзевец». Ни одного предосудительного слова в них нет. В тех, которые не опубликованы, кое-что может не понравиться. Но они записаны в тетради, и читал их Василий только в узком кругу приятелей, в классе во время самоподготовки или вечером перед сном, когда лежали в постели.

Может быть, стихотворение о Ленине они имеют в виду? Но в нем теплая любовь к Владимиру Ильичу и сожаление, что в наши годы забывают. Неужели кто-то из курсантов донес? В

стихотворении говорилось только о Ленине, но после прочтения его ребятам он добавил: «Зачем Ленина заслонять Сталиным? Он в годы революции не был вторым после Ильича деятелем в партии. Были покрупнее него». Наверное, болтал ещё что-нибудь в таком же духе. Значит, были во взводе стукачи. Ромашкин перебрал всех друзей, вспоминал их лица, поступки, кто как к нему относился, какие задавал вопросы. Ни одного похожего на стукача не выявил, все ребята нормальные, настоящие друзья, все уважали его, даже гордились, что в их взводе чемпион и поэт. Может, из зависти кто-то хотел напакостить? Непохоже. Все парни искренние, однокашники, друзья на всю жизнь.

Обнаружив некоторую вину в своих стихах, Ромашкин на следующем допросе сам высказал это предположение следователю. Тот стал ещё добрее.

— Молодец, додумался наконец до того, в чем надо признаваться. Значит, говорил о товарище Сталине оскорбительные слова?

— Нет, что вы! Наоборот, я говорил о Сталине уважительно, что он много добрых дел совершил и ему не надо приписывать то, что сделал Ленин.

— Хорошо. А теперь скажи, зачем ты заводил разговоры, порождающие сомнения в деятельности товарища Сталина?

Ромашкин честно ответил:

— Не было у меня никаких замыслов.

— Э нет, так не бывает! Вот представь, ребенок берет лопаточку и идет к песочнице. Зачем? Копать. Так это ребенок, а ты курсант, выпускник, почти командир. Не может у тебя быть такого — «не думал». Думал! А теперь признавайся, зачем ты вел пропаганду, оскорбляющую вождя народов?

Ромашкин понимал: удавка затягивается все туже, и, самое обидное, не мог ничем возразить логике следователя. Он прав, не мог Ромашкин жить и поступать бездумно.

— Хорошо, гражданин следователь, я признаю, говорил такие слова о Сталине. Но политического, антисоветского умысла у меня не было. За слова готов отвечать, виноват.

— Ишь, как у тебя все просто — «поговорил, виноват», и делу конец. Нет, милый мой, сомнения, которые ты вызывал у людей,

оставались в их памяти. Порождали неуверенность. А может быть, те, кто тебя *слушал*, делились своими сомнениями с другими? Цепная реакция получается. А разве можно допустить утрату веры в наши советские идеалы среди будущих командиров? Среди тех, кто эти идеалы должен защищать с оружием в руках? Вот поэтому мы тебя, Ромашкин, и арестовали, что нельзя допустить такую разлагающую антисоветскую пропаганду в армии.

Ромашкин был подавлен и раздавлен этими словами Иосифова, но тихо и настойчиво повторял:

— Не было у меня таких намерений. Не было. Что хотите со мной делайте. Не вел я антисоветской агитации. Просто говорил, без злого умысла.

— Опять отпираешься. Может быть, тебе про ребенка с лопаточкой напомнить? Не юли, признай свою вину, и оформим протокол.

Ромашкин только сейчас обратил внимание: на всех предыдущих допросах следователь не оформлял протоколы. Вел вроде бы простой предварительный разговор. «Готовил меня. Ждал, пока созрею. Когда одиночка, неизвестность доведут меня до состояния необходимой ему сговорчивости, чтобы признал свою вину, подписал протокол, и дело завершено. Он меня и в одиночке держал, чтобы другие, более опытные арестованные не научили, как вести себя на допросах».

А следователь, будто читая его мысли, тут же опровергал предположения Ромашкина, проявляя ещё большую доброту:

— Ладно, поверю тебе. Ты сам не мог прийти к таким широкомасштабным сомнениям. Значит, кто-то навел тебя, натолкнул на эти мысли. Ты редактору газеты, полковому комиссару Фёдорову эти или похожие стихи читал? Что он сказал о них? Каково его мнение?

Ромашкин старался припомнить свои беседы с редактором, но на политические темы он никогда не говорил.

— Фёдорову читал стихи по его просьбе, не только те, которые печатал, но и другие.

— Вот видишь, — подхватил следователь, — были душевные беседы. Ну, и что он говорил о Сталине?

— О Сталине ни разу не упоминал. Слушал мои стихи. Хвалил. Или подсказывал, где рифма слабая или я с ритма сбиваюсь.

Политрук стал строгим:

— С ритма у него ты, может быть, и сбивался, а у меня не собьешься. Иди и вспоминай, о чем с тобой говорил полковник Фёдоров. Ты его не выгораживай, тебе же легче будет. Ты курсант, с тебя спрос невелик, а он полковник, главный редактор газеты, у него масштабы не то что у тебя. Понял? Иди и думай. Думай хорошо, Ромашкин. Твоя судьба решается.

Думал, перебирал Василий не только прошлое, но и настоящее. Каждый вопрос следователя и свой ответ тщательно проанализировал. Получалось, Иосифов относится к нему доброжелательно. Даже облегчить вину хочет, намек на полковника не случаен. «И действительно, что я для них? Нашли врага — курсанта, сцапали. Невелика заслуга».

И вдруг Ромашкина осенило:" Им же громкое дело надо создать. Я действительно мелочь, а вот если Фёдорова пристегнуть или ещё кого-нибудь, получится целый заговор. Честь и хвала Иосифову — такую вражескую группу разоблачил!"

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонементов по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
 - в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.
- Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.